

ГЛАВНЫЕ МЕДИКИ СТАРОЙ ГАТЧИНЫ 1792 – 1918

Одиннадцатый старший врач Госпиталю
8 февраля 1868 – 7 марта 1880

АЛЕКСАНДР ФЁДОРОВИЧ ГЕЛЬМГОЛЬЦ (1810 – 1880)

Александр Фёдорович Гельмгольц занимает особое место среди старших врачей Госпиталю в Гатчине. Во-первых, он был уроженцем Гатчины; во-вторых, служил врачом в нашем городе рекордный срок: более 42 лет; в-третьих, не отличился, казалось бы, чем-то особенным ни в науках, ни на полях сражений, ни в служебных делах, но к нему в полной мере можно отнести слова, сказанные в некрологе об одном малоизвестном русском враче:

«Это был один из тех скромных огоньков, горящих в разных углах России, деятельность которых, пожалуй, много плодотворнее деятельности некоторых «светил».

Гельмгольцы поселились в Гатчине в 1793 году, когда отец Александра, ботанический садовник Фридрих Гельмгольц, был приглашён из Германии в Россию. Здесь Фридриха быстро переименовали на русский лад в Фёдора.

Фёдор Гельмгольц – это один из тех людей, которым мы должны быть благодарны за великолепную планировку и устройство замечательного парка, который тогда простирался от Дворца до здания Скотного двора, перестроенного позднее для Гатчинского сельского воспитательного дома (Сиротского института).

В 1790 – 1820-х годах под руководством Фёдора Гельмгольца и трудами многих российских и иностранных садовников и рабочих, появились так радующие нас теперь: Голландский сад, несколько прудов разной формы, более десятка каменных лестниц, Цветочная горка и другие живописные места и сооружения парка.

Фёдор Гельмгольц за свои труды получал немалое по тем временам жалование: 1000 рублей в год; проживал в казённой квартире. Выйдя в отставку, Фёдор жил уже в собственном доме на Загвоздинской улице (ныне улица Чкалова). Скончался он в 1852 году.

Его детище, парк, намного пережил своего автора и создателя. Парк великолепен в любое время года и в любую погоду. Но особенно он хорош в солнечный день, вскоре после восхода или незадолго до заката, когда косые лучи солнца пронизывают весь объём насаждений, причудливо играя светом и тенями. Один из таких моментов мне удалось запечатлеть на фото, сделанном в начале осени 2011 года.

Прогуливаясь по аллеям старинного парка и любуясь могучими дубами и липами, лиственницами и ясенями, прудами, горками и каменными лестницами, вспомним добрым словом ботанического садовника Фёдора Гельмгольца!

Выросший в уютном, окружённом рукотворными парками и природными лесами городе, сын Фёдора Гельмгольца, Александр, навсегда полюбил эти места. Вся его жизнь, за исключением лет, проведённых в стенах Медико-хирургической академии (МХА) и Почтовой больницы Петербурга, прошла в Гатчине.

Поступив в 1827 году в МХА, Александр окончил её 28 декабря 1832 года лекарем 2-го отделения. В те годы от того, по какому именно отделению оканчивал учебное заведение выпускник, зависело многое. Так было и в случае с Александром Гельмгольцем. Но об этом ниже. А для того, чтобы разобраться с отделениями, поясню:

Все лекари (врачи), окончившие МХА или университет, распределялись по трём отделениям (категориям):

1-ое – самые лучшие в успехах и поведении студенты, оканчивающие учение, как правило, с отличием и предназначенные преимущественно для научной работы или же для подготовки к преподавательской деятельности.

2-ое – средние по успехам студенты, могущие, правда, после окончания учебного заведения и хороших достижений в службе или научной работе, удостоиться звания штаб-лекаря, а то и доктора медицины.

3-е – ничем себя не проявившие слушатели, коим по окончании курса уготована была, за малым исключением, судьба – долго тянуть лямку младшего полкового врача. Что, правда, вовсе не свидетельствовало об их неспособности стать весьма полезными и уважаемыми в обществе людьми.

То, что Александр Гельмголец проявил средние успехи в период обучения в МХА, в будущем не раз аукнулось при решении вопроса о назначении его старшим врачом Госпиталя в Гатчине.

После окончания МХА, Александр пять лет служил в Петербурге лекарем Почтовой больницы, находящейся в здании Почтамта. В феврале 1837 года у

Александра появилась возможность получить место врача в Госпитале Гатчины. Ход событий того времени описан в моём очерке о восьмом старшем враче Госпиталя, А.И. Гаспере.

Итак, 22 мая 1837 года Александр Гельмгольц, после нескольких лет отсутствия, вернулся в родную и любимую Гатчину, чтобы занять место младшего врача Госпиталя. В июле 1837 года Гельмгольц наконец-то получил долгожданное звание штаб-лекаря. Теперь он по праву мог со временем занять должность старшего врача Госпиталя. Но злая судьба не раз ещё преподносила ему неприятности.

В сентябре 1838 года лекарь Гельмгольц женился, его избранницу звали Варвара Васильевна (1814 – 1865) и она была моложе жениха на 4 года.

Потянулись трудовые будни, заполненные лечением больных в Госпитале, борьбой с эпидемиями, обслуживанием больных в Гатчинской волости. Но в жизни Гельмгольца бывали, пусть и редко, радостные события. Одним из них стало рождение 2 июня 1841 года сына, названного Александром. А в 1842 году в семье Гельмгольцев родилась дочь Мария.

В течение первых десяти лет службы в Госпитале младший врач Гельмгольц так хорошо показал себя, что в январе 1848 года Управляющий Гатчинского Дворцового управления написал начальству отношение с просьбой о назначении Гельмгольцу в пенсион одной трети жалования за 15 лет службы. При этом Управляющий просил учесть отличную, усердную и полезную службу младшего врача. Но вновь, в который уже раз, Гельмгольцу не повезло и ему было отказано под тем предлогом, что пенсия давалась лишь за 20, 25 и 30 лет. Но в том же, 1848, году Гельмгольц всё же удостоился награды: ордена св. Анны 3 степени. В 1850 году к нему добавился орден св. Анны 2 степени.

В 1852 году в своём доме на Загвоздинской улице умер отец Александра, придворный садовник Фёдор Гельмгольц.

Интриги

С начала мая 1853 года в Гатчине пребывал Высочайший Двор. Из-за болезни старшего врача Госпиталя, гоф-медика Шкотте, обязанности его по медицинскому наблюдению за придворными исполнял младший врач Александр Гельмгольц.

8 мая в 1 час 15 минут пополудни старший штаб-лекарь Госпиталя Фёдор Шкотте умер. В тот же день лекарь Гельмгольц направил об этом рапорт Управляющему Гатчинского Дворцового управления Фёдору Люце. Тот, в свою очередь, тут же написал рапорт Министру Императорского Двора с просьбой назначить на должность старшего врача Госпиталя младшего лекаря Гельмгольца.

Главный медик Яков Вилье согласился с мнением Люце. Но судьба в очередной раз не благоволила Гельмгольцу. Император Николай I изъявил волю, чтобы Вилье, по совещанию с лейб-медиком Мандтом, пруссаком из Франкфурта на Одере, избрал на место Шкотте одного из врачей Образцового Военного Госпиталя.

18 мая Вилье запросил Мандта, кого бы тот мог рекомендовать старшим врачом в Гатчину. Мандт медлил с ответом и этим воспользовались благожелатели Гельмгольца. Им удалось склонить на свою сторону Министра Императорского Двора, который попытался добиться благосклонности Мандта. Тот выразил согласие походатайствовать за Гельмгольца, но лишь при условии, что тот изучит его, Мандта, образ лечения.

Тут уж воспротивился сам Гельмгольц. Не тот это был человек, чтобы кривить душой и обманывать, даже ради карьеры! Ну не принимал Гельмгольц образ лечения доктора Мандта! Тем более, что уже изучал его методу во время

2-х месячного пребывания Мандта в Гатчине и ежедневного преподавания оной самим Мандтом в Госпитале. Гельмгольц применял способ этот в Гатчине и в подведомственных Дворцовому правлению деревнях и не увидел никаких особых достоинств такого метода лечения.

Время шло и 30 мая Вилье склонился к тому, чтобы назначить в Гатчину ординатора 1 Военно-сухопутного госпиталя доктора Шульца, с которым у них накануне была беседа. Вилье предоставил право выбора Мандту. А тот предпочёл Шульца. Официально Мандт объяснил свой выбор опытностью Шульца, но, однако, далеко не последнюю роль сыграла в этом решении обида Мандта на высказывания Гельмгольца о его (Мандта) методе лечения. Необходимо пояснить, что методика Мандта была подобна гомеопатии, особого облегчения (как, впрочем, и вреда) больным не приносила, но, благодаря умению Мандта входить в доверие к больным и благотворно на них воздействовать, была тогда весьма популярна среди высших кругов Петербурга.

Позднее, в письме к Вилье, Мандт сообщил, что он свою систему в минувшую зиму только объяснил, а потому Гельмгольц и не мог иметь о ней никакого понятия. Полный курс начнётся лишь будущей зимой и продлится до весны. А вот доктор Шульц был одним из отличнейших слушателей методики (во время изложения её в Образцовом госпитале) и имел случай лечить в Москве больных, пользуясь ею. Поэтому Мандт и выбрал Шульца.

Таким образом, не согласившись с методикой Мандта, Гельмгольц не получил на этот раз повышения по службе, отстал в этом отношении от сверстников и не имел прибавки к жалованию.

Не удалось тогда Гельмгольцу получить и звание гоф-медика, хотя Управляющий Гатчинским Дворцовым правлением Фёдор Люце ходатайствовал за него, сообщая:

«Кроме прямых обязанностей по Госпиталю и городу, Гельмгольц ещё исправлял безвозмездно постоянно должность полицейского врача и врача для бедных, число которых в Гатчине весьма значительно, а также пользовал остающиеся команды и семейства нижних чинов Гарнизонного батальона, Инвалидной № 4 роты и Кирасирского полка – во всё лагерное время. Сверх сего он исполнял медицинские обязанности во всём имени Гатчинского Дворцового ведомства, состоящего в двух уездах из 48 деревень, разбросанных по разным направлениям и на дальнем расстоянии».

Но невезучего Гельмгольца и тут обошли званием! Небольшим утешением стал вскоре полученный им Знак отличия за XX лет беспорочной службы.

29 декабря 1854 года Управляющий Дворцового правления обратился с ходатайством к начальнику Придворной медицинской части Маркусу о награждении за отличное усердие и неутомимые труды врачей Госпиталя Шульца, Гельмгольца и эконома Перфильева. Согласия Маркуса однако не последовало. И это тогда, когда медики трудились из последних сил, т. к. через город все время проходили войска и в Госпитале иногда лечилось одновременно до 380 человек. Напомню, что всё это происходило в разгар Крымской войны 1853 – 1856 годов.

12 апреля 1855 года Управляющий Гатчины вновь просил награды для работников Госпиталя. На сей раз просьбу удовлетворили, но не полностью. Доктор Шульц и эконом Перфильев получили бриллиантовые перстни, вручённые им лично Маркусом, а аптекарь Данталь – полугодовое жалование. А вот лекарю Гельмгольцу вновь было отказано, хотя Управляющий писал о его неутомимой деятельности, необыкновенных трудах, отличном порядке по содержанию больных, особенно во время болезни доктора Шульца. Всё-таки припомнили Гельмгольцу его отношение к методу лечения лейб-медика Мандта, одного из друзей Маркуса!

Награды всё же иногда находили Гельмгольца. В 1857 году он получил орден св. Станислава 2 степени, а в 1859 – полугодовой оклад жалования. Но и неприятности продолжали преследовать Александра. Так было и в 1860 году. Тогда, воспользовавшись относительно спокойным в медицинском отношении годом, старший врач Шульц, убыл по домашним обстоятельствам в отпуск на 28 дней в Германию и Париж. На время его отсутствия, с 16 июня по 21 июля, заведывание Госпиталем было поручено не младшему врачу Гельмгольцу, как это обычно заведено, а состоящему при Высочайшем Дворе сверх штата медико-хирургу Бернгарду Готтарду фон Франкенштейну, который поселился в Кухонном каре Дворца, нижний этаж, комната № 2. Не имея ничего против врача Франкенштейна, следует сказать, что в данном случае опять всё было сделано не в пользу Гельмгольца.

Надо признать, что иногда деятельность Гельмгольца оценивали по достоинству и оперативно. Так, Александр в течение 24 лет исполнял, сверх своих прямых обязанностей, должность вотчинного врача, причём делал это безвозмездно. В его ведение входило смотрение за здоровьем крестьян Гатчинской вотчины. Он продолжал делать это и тогда, когда Гатчинская вотчина была отчислена в ведомство Красносельской Удельной конторы и для крестьян её давно полагался особый врач. Поэтому Дворцовое правление Гатчины в 1861 году просило наградить Гельмгольца за труды по вотчине. В представлении на награду было написано:

«...Всегда готов на помощь ближнего, заботливая попечительность Гельмгольца имела благодетельнейшие последствия на крестьян; они, благодаря благоразумным его увещаниям и приветственному над ними влиянию, не только оставили закоренелые свои предрассудки к врачебным пособиям, но и получили полное к ним доверие, особенно обнаружившееся во время свирепствующих эпидемий тифозных и холерных».

Награда за 24 года службы вотчинным врачом последовала в 1862 году: орден св. Анны 2 степени с Императорской Коронай.

Гельмгольцу приходилось лечить и чиновников Дворцового правления. В январе 1864 года, к примеру, его пациентом был помощник столоначальника Богель с воспалением левого глаза. Болезнь приняла затяжной характер. 22 февраля простудился и занемог на несколько дней от простудной лихорадки сам Гельмголец. Лечение Богеля пришлось взять на себя старшему врачу Шульцу, которому удалось вылечить чиновника только к концу мая. Ничего удивительного в этом не было: тогда не имелось ещё ни антибиотиков, ни хороших антисептиков для лечения глазных болезней.

В 1865 году судьба нанесла Гельмгольцу очередной удар: 18 ноября на 52-м году жизни умерла его жена, Варвара Васильевна. В 1867 году Александр Гельмголец женился вторым браком на Надежде Фёдоровне Радецкой (1826 – 1892), которая была младше его на 16 лет. Дети Гельмгольца от первого брака уже стали взрослыми; сын Александр служил в Петербурге в Департаменте внешней торговли по Министерству финансов (в 1894 году он был уже в чине действительного статского советника).

Во главе Госпиталя

8 февраля 1868 года в Госпитале провожали, встречали и поздравляли. Провожали бывшего старшего врача, доктора Иоганна Шульца. Встречали нового младшего врача – доктора медицины Александра Егоровича Ненсберга. А поздравляли преемника Шульца – Александра Гельмгольца. Наконец-то он – старший врач давно ставшего ему родным Госпиталя! Более того, вместе с назначением Александру Фёдоровичу присвоили звание почётного гоф-медика.

Но почему-то это не очень радовало Гельмгольца. Видно, с возрастом и опытом пришло и понимание, что есть кое-что поважнее успешной карьеры.

Гельмголец познакомился с Ненсбергом и узнал, что тот недавно защитил в Московском университете диссертацию на степень доктора медицины «О подкожном впрыскивании лекарств». Позже, у себя в кабинете, Александр Фёдорович углубился в изучение послужного списка нового врача:

«Происходит из купеческих детей. Имя по рождению – Карл Герман, а после крещения – Александр Егорович. Окончил Московский университет. Служил окружным и уездным врачом. Имеет жену Екатерину Александровну и двух дочерей...».

Александр Фёдорович вчитывался в строчки документа, как будто предвидя, что ему и Ненсбергу долгие годы предстоит трудиться бок о бок.

1868 год выдался для Гельмгольца, казалось бы, удачным: кроме назначения старшим врачом Госпиталя и получения звания почётного гоф-медика, ему вручили орден св. Владимира 4 степени. И всё же труды Гельмгольца не были оценены по заслугам. 20 ноября того же года старший врач Гельмголец написал коменданту Гатчины Багговуту рапорт, в котором отмечал, что в Госпитале по штатам 1796 года числится 25 кроватей, больных же ныне – до 250 человек и более, потому что с 1830 года сюда кроме больных Дворцового ведомства помещаются и военные. Гельмголец указал также, что он работает 31 год и просит платить ему, как военным врачам, т. к. он получает лишь одну треть жалования старших врачей Петергофского и Царскосельского военных госпиталей.

После трёх лет успешного руководства Госпиталем старший врач Гельмголец в 1871 году получил высокий, генеральский, чин действительного статского советника. В 1873 году Гельмголец получил в награду 400 рублей, в 1875 году – орден св. Владимира 3 степени.

Помимо руководства Госпиталем, Гельмголец оказывал безвозмездную помощь в случае болезней призреваемым Гатчинского Благотворительного общества. Всего Общество содержало тогда 170 человек. Лекарства для оказания им помощи безвозмездно отпускала госпитальная аптека. Кроме Гельмгольца, среди виднейших благотворителей были: житель Гатчины, чиновник Министерства внутренних дел Н.В. Варадинов и аптекарь Госпиталя Пётр Жданов.

Какой же долгой выдалась служба Гельмгольца в Госпитале! Когда разразилась Крымская война, прошло 16 лет после прибытия Александра в Госпиталь. Ещё двадцать с лишним лет прошло до того времени, когда вспыхнула Русско-турецкая война 1877 – 1878 годов. Эта война коснулась и Госпиталя.

В сентябре 1877 года для лечения раненых был задействован Госпиталь, т. к. вышло распоряжение передать Обществу Красного Креста часть зданий Придворных госпиталей в Гатчине и Царском Селе. Предполагалось открыть при Гатчинском Госпитале отделение на 80 человек.

Управляющий Придворной медицинской частью Цицурин 1 сентября запросил сведения о состоянии Госпиталя. Ранним утром 5 сентября младший врач доктор Ненсберг направил Цицурину записку, в коей писал, что Госпиталь имеет 20 палат, по 10 на каждом этаже. Наступившая холодная погода заставляла вести топку печей, которых в каждой палате по две, почти непрерывно.

В тот же день вышло распоряжение Министерства Императорского Двора предоставить в Гатчине всё здание Госпиталя целиком для Общества Красного Креста, а имеющихся больных перевести в деревянный барак летнего госпиталя.

Прошёл ещё месяц и старший врач Госпиталя Гельмгольц сообщил начальству, что госпиталь от Общества Красного Креста совершенно готов для принятия раненых и снабжён Обществом всем необходимым; не только нужными вещами, инструментами и приспособлениями, но даже и перевязочными средствами, 7 тележками двухколесными, на лежачих рессорах, и мягкой эластической подстилкой.

Ожидание раненых затянулось. Гельмгольц успел ещё получить в награду 300 рублей. Наступил 1878 год, а раненых всё не было. Наконец в Госпитале встретили раненых, но... не совсем обычных! 11 января старший врач Гельмгольц написал в рапорте Управлению придворной медицинской части:

«Сего числа в первом часу ночи в госпиталь прибыло 10 человек пленных турок с явными признаками тифозной горячки, у одного ещё отмороженный палец на правой ноге, а у двух, в значительной степени, бронхит. Доставлены они с Гатчинской станции Варшавской железной дороги, с поезда, шедшего в город Ревель, и помещены мною в арестантское отделение, где содержались под военным караулом».

С дальнейшим ходом событий можно ознакомиться в моей статье «Медики Гатчины в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов», помещённой на сайте «Гатчина сквозь столетия».

Русско-турецкая война 1877-1878. Пленные турки в Москве. Гравюра К. Крыжановского с наброска корреспондента «Иллюстрированной хроники» С. Грибкова по рисунку Ф. Гаанена. 1878

Итогом трудов Гельмгольца по Госпиталю стало награждение его в 1878 году орденом св. Станислава 1 степени.

Александр Фёдорович Гельмголец умер на службе 7 марта 1880 года. Много сделал для жителей города и чинов его гарнизона этот замечательный человек и врач. Похоронили его у центральной дорожки городского кладбища. И установили на могиле памятник, такой же скромный, как и жизнь Александра Фёдоровича. На памятнике надпись: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

После кончины Гельмгольца, всем следующим старшим врачам Госпиталя для занятия должности надо было иметь звание доктора медицины.

В лютеранской части кладбища Гатчины некогда находилось надгробие над могилой Фёдора Фёдоровича

Гельмгольца (1852 – 1892), капитана флота, начальника старшего отделения Морского кадетского корпуса Петербурга. Вероятно это был родственник гатчинских Гельмгольцев. Жена Фёдора Фёдоровича, которую звали Марией Васильевной, став вдовой, продолжала жить в Петербурге вплоть до 1914 года.

Сыном этих Гельмгольцев был Борис Фёдорович Гельмголец, крещённый в Лютеранской кирке Гатчины 8 октября 1885 года под именем Борис Фридрих. Его отец был тогда лейтенантом флота. Имя лейтенанта флота Фёдора (Фридриха) Гельмгольца встретилось мне и при просмотре метрической книги Лютеранской кирки Гатчины за 1884 год.

Борис Гельмголец в 1905 году окончил Морской корпус в Петербурге. В звании мичмана начал службу во Флотском экипаже в Кронштадте. Принял участие в Германской войне; в 1915 году за отличие был произведен в старшие лейтенанты. В составе ВСЮР и Русской армии сражался в Гражданскую войну с красными до эвакуации Крыма. В 1920 году стал капитаном 2-го ранга. В эмиграции находился в Югославии. В 1934 году жил в Белграде.

Немецкая фамилия Гельмголец упоминалась в документах по Петербургу вплоть до 1917 года.

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ

